

Дмитрий Гуданов:

— Давайте вернемся на 15 лет назад, в то время, когда вы поступали в училище. Что было стимулом? Вас туда привели «за ручку» или это было собственное желание?

— Когда мне было лет пять или шесть — точно не помню, я увидел по телевизору «Щелкунчика». И затанцевал по квартире, закружился — так мне это понравилось. Начал приставать к маме: «Где этому учат? Я тоже хочу!» Родители мои далеки от балетных кругов, они инженеры, но я очень благодарен маме — когда мне исполнилось 9 лет, она отвела меня на экзамены в Хореографическую школу при Большом театре.

— Легко поступили?

— Экзамены сдал, а на медкомиссии меня забраковали. Я ужасно расплакался: ну, нельзя — и не надо! Не больно-то и нужно! И тут опять же мама решила обратиться к своему знакомому, который работал в училище, и меня, назло врачам, приняли. Но учиться было очень тяжело, особенно в первом классе. Каждый день по 10 уроков — общеобразовательные предметы, специальные, балетные... Занятия начинались в полдевятого утра, а кончались в шесть вечера. Когда приходил домой, никаких сил делать уроки не было. В результате мне поставили двойку за четверть по русскому языку. Когда я об этом узнал, разревелся, убежал из училища, дома собрал все журналы «Советский балет», все балетные вырезки и фотографии и выбросил их с 13-го этажа. А родителям сказал: «Все! Я туда больше не пойду! Переводите меня в обычную школу».

— И на следующий день все забыли...

— Нет, три дня дома сидел. Потом родители написали какую-то записку, и я, конечно, пошел. Да, первый класс был самым тяжелым... Однажды меня попросили отнести в учительскую журнал. Ну, я, недолго думая, раскрыл его и все свои тройки переправил на пятерки, а двойки на четверки. Недругам наставил двоек, а девочке, которая мне нравилась, хоть она и так была отличница, еще поднаставил пятерок. Меня, конечно, тут же вычислили, объявили выговор.

— Как небалетные сверстники к вам относились: мальчик — и танцует?

— А я никого за стенами училища не видел, возвращался-то поздно. Мы жили в замкнутом кругу.

— И сейчас общаетесь только с коллегами?

— Нет, сейчас мне даже интереснее общаться с небалетными.

— После училища сразу приняли в Большой?

— Да, хотя из всего курса берут обычно человек семь, двух-трех мальчиков, остальные — девочки. Это зависит от того, сколько в Большом освобождается мест. Принимают сначала артистом кордебалета, то есть танцуете в массовке, в последней линии. Хотя во время учебы, еще детьми, мы успели потанцевать на легендарной сцене — детский вальс в «Спящей красавице», в «Коппелии».

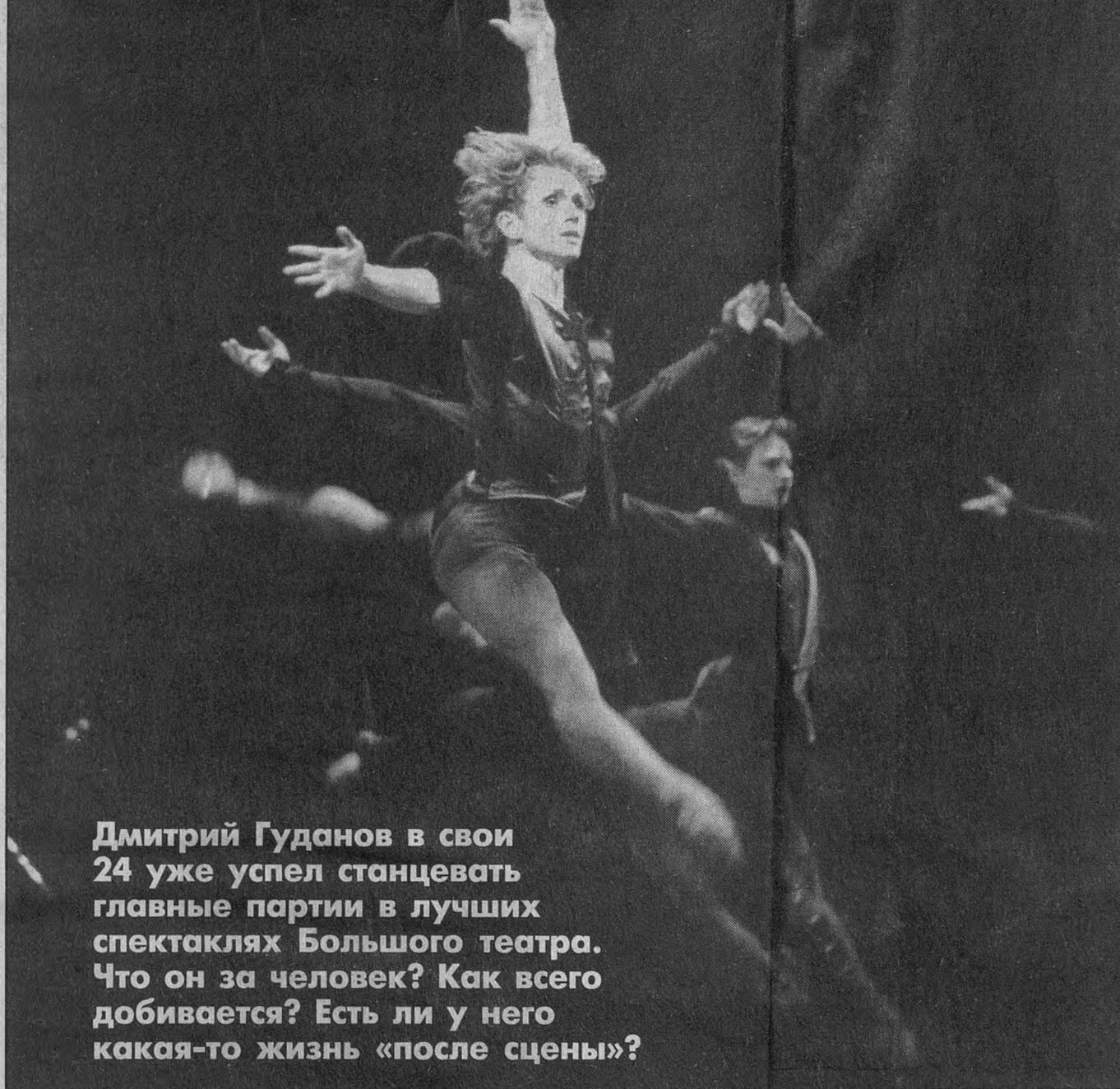
— И деньги платили?

— Какие деньги, что вы! Мы и так за счастье почитали.

— А первая крупная роль?

— Казанова! Я много о нем читал, смотрел фильмы, одним словом, вживался в эпоху «опасных связей». Потом танцевал и сейчас танцую в «Жизели», в «Сильфиде», в балетах Баланчина, и вот не так давно — главную роль в «Русском Гамлете» питерского хореографа Бориса Эйфмана.

МОЖНО ПОСАДИТЬ АВРОРУ НА ИГЛУ, ХОТЯ И НЕ ОБЯЗАТЕЛЬНО



Дмитрий Гуданов в свои 24 уже успел станцевать главные партии в лучших спектаклях Большого театра. Что он за человек? Как всего добивается? Есть ли у него какая-то жизнь «после сцены»?

— После этого балета о вас заговорили. Но совсем недавно вы выступили еще в одной крупной роли — Нижинского в балете Михаила Лавровского.

— Антрепризный балет «Нижинский» шел на сцене филиала Малого театра. Танцевать Нижинского очень ответственно и страшно. Как драматические актеры мечтают сыграть Гамлета, так балетные — Нижинского. В мировом балете есть три такие легенды — танцовщик XVIII века Огюст Верстрис, Вацлав Нижинский и Рудольф Нуриев. Я прочел все книги, написанные о нем, мемуары жены, одолел его дневник. Именно одолел, потому что дневник он писал, когда потерял рассудок.

— В Большом постоянно происходят какие-то конфликты, меняется руководство. Это отражается на артистах?

— Отражается, конечно. Но я ни в каких конфликтах не участвую, занимаю нейтральную позицию. Руководство приходит и уходит... Главное — работать. Стоит пропустить день классов, как теряется форма, тело перестает слушаться, становится кондовым, мышцы слабеют. Нужен постоянный тренинг.

— А за политическими событиями следите?

— Телевизор не всегда удается смотреть, даже газеты читать нет времени. Но, конечно, я не в вакууме живу. Перефразируя Анатолия Карпова, могу сказать: Большой — моя жизнь, но моя жизнь — не только Большой.

— Гастроли у вас постоянные?

— Да, в Европе уже почти везде был, кроме Испании. Часто бываю в Штатах. Но любимая страна — Франция. Я всегда чувствовал, что там меня ждет что-то хорошее. И не ошибся: в 1998-м в Париже получил Золотую медаль на Международном конкурсе артистов балета. Там со мной приключился забавный случай. Балетная обувь в принципе может съехать с ноги, но раньше у меня никогда такого не было. А во втором туре парижского конкурса исполнял вариацию из «Пахиты», танцую и чувствую — балетка сползает! В самый неподходящий момент. К середине вариации она уже держалась на кончике носка, и я ее смахнул. Финальные туры и пируэты пришлось делать

Фото: Михалка ЛОУВИНОВА

на босой ноге. Я собрался и все сделал как надо, профессиональная злость помогла. На конкурсе меня, конечно, тут же прозвали Золушкой. Еще один забавный случай был. Когда оформляли американскую визу для нашей поездки, меня не было в Москве, а в театре не смогли найти мою фотографию. Тогда для моей визы отдали фото нашего тогдашнего худрука Алексея Фадеечева. И у пограничников вопросов не было, хотя мы совершенно друг на друга не похожи.

— Вы за модой следите?

— Стараюсь следить, даже что-то пытаюсь перенести на сцену. В театре есть художники по костюмам, но многое зависит и от артиста.

— А одежду где покупаете?

— За границей. В Москве стоит показаться в магазине, как за тобой начинают ходить. Тебе не доверяют, это неприятно. За рубежом тоже воруют. Но если за кем-нибудь вот так будут ходить, разразится скандал. Для них главное — имидж сохранить. Зайди ты хоть в джинсах, хоть в «армани», с тобой будут обращаться одинаково вежливо и дружелюбно. А у нас в дорогом магазине тебя осматривают с ног до головы, как будто хотят сказать: «Ты что здесь делаешь? Тебе этот магазин не по карману!»

— Традиционный балетный вопрос: диета у вас строгая?

— Нет. Это у всех по-разному. Я могу есть сколько угодно, и мне ничего не будет, а кто-то полнеет при малейшем послаблении. В училище нас постоянно взвешивали и могли отчислить за лишний килограмм, а в театре растолстевшего артиста или артистку просто не поставят на роль, не возьмут на гастроли.

— К какому балету вы больше тяготеете — классическому или модерну?

— Главное, чтобы было талантливо, чтобы идея была! А идея может заключаться просто в очень красивых движениях, в пластике. У нас сейчас представлен только классический балет. Мне кажется, это однобоко — в таком театре, как Большой, надо показывать все направления. Многие даже понятия о них не имеют, потому что просто не видели. А на Западе есть очень нестандартные подходы. Недавно я смотрел на видео балет Матса Эка «Спящая красавица» в исполнении труппы Ноймайера. Аврора, в отличие от классической версии балета Чайковского, где она укололась веретеном, колется шприцем, садится на иглу, вернее, на иглу ее сажает ведьма Карабос. Есть балет «Жизель», где героиня попадает в сумасшедший дом. Вы только не подумайте, что я призываю именно так ставить все балеты. Но то, что должны быть разные направления, я не сомневаюсь.

— В балете, как в спорте, существует какой-то прогресс, скажем, раньше прыгали так, а теперь так?

— Скорее, не прогресс, а мода на эстетику. Раньше балерины были маленькие и полненькие, теперь наоборот все «усохли» и «выросли». И больше оголяются.

— Дмитрий, ваш успех — наверняка предмет зависти многих. Вы всегда добиваетесь того, чего хотите?

— Пока все мои главные мечты... тьфу-тьфу... сбываются. Мечтал поступить в училище — поступил. Мечтал попасть в Большой — попал. Хотел в Париже получить «золото» — получил. А дальше... Ну, если я скажу, о чем мечтаю, ничего не сбудется. Я как-то в одном интервью рассказал о новых балетах, которые должен был станцевать. И сложилось так, что именно эти постановки не пошли. Поэтому я буду ничего говорить, чтоб не сглазить.